

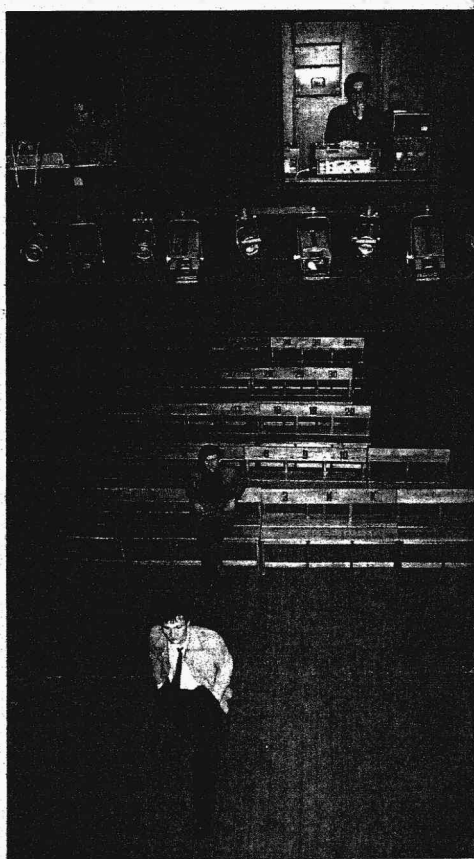
МОСКВА И МОСКВИЧИ

ПОДВАЛЬЧИК НА УЛИЦЕ ЧАПЛЫГИНА

ВСЕ ЭТО БЫЛО похоже на тайну, хотя тайной и не было. По вечерам, в условленном часу, в каменном колоде двора на улице Чапыгина, близ Чистопрудного бульвара, собирался человек 30-40. В большинстве — молодые люди. Двор освещали только окна квартир, и в полутьме все происходящее оведало флером загадочности. Иногда случайный прохожий, завидев странную толпу, подождал и тихо спрашивал: «Кого хороните?» Что было ответить: мы как раз присутствовали при рождении, хотя это были долгие роды. Открывались неказистая дверь, и люди целочной скатывались по крутой лестнице в подвалы, в вытянутую гниую трубу, окрашенную в черный матовый цвет. Усаживались на скамьи и ждали. Свет сек пространство на прищипанные воздушные объемы и смыкался ярким пятном у дальней стены, притягивая к себе общее внимание. Затем к этому световому пятну выбегали парни и девушки, рассаживались или расходились по назначенной мизансцене, и начинался театр...

И вот в первый день весны 1987 года я вновь, спустя много лет, иду по знакомому адресу. В руках глянцева программа; занятая, как бы факсимильная азия изысканного шрифта на ней сообщает, что состоится премьерная спектакля театра-студии под руководством Олега Табакова. В некоей темной арке двора крошечные софиты льют на афиши мягкий свет. Неказистая дверь исчезла, и весь каменный и молчаливый дворик совершенно неузнаваем. У театрального подвала спрашивают леший билетик, за окнами народные люди рассаживают по светлему белому фойе. И ощущение: праздника сразу же захватывает, подчиняет себе, и невозможно избавиться от мысли: вот так побеждают те, чье дело освящено идеей, кто не ищет и не прячет своих мыслей, кто знает, чего может стоить ему упорство и самонадеянность, и как велика ответственность за то, что он зовет с собой других.

Когда окончится этот первый в сезоне спектакль, Олег Табаков выйдет к зрителям. В разлук лучах своего блестящего веселого глаза, полыхнет и погаснет табакоская

В партера еще пусто, но уже через час его заполнят зрители, чтобы затреть первое «утро» нового театра...

Фото Александра ИВАНОВА.

ТРЕБУЮТСЯ ТАКТИЧНЫЕ ЛЮДИ

В Москве создана служба социальной помощи на дому, которая облегчит бытовые заботы одиноких престарелых людей и инвалидов. К маю будут открыты еще тридцать ее отделений в разных районах города.

В столице более двух миллионов пенсионеров и инвалидов. Из них около 37 тысяч — одинокие. Постоянная помощь нужна, по сведениям службы, шести с половиной тысячам. К лету она сможет обслуживать всех.

Подробности по просьбе корреспондента «МН» сообщает заведующий отделом управления социального обеспечения Мосгорисполкома Давид АЛЕКСИШВИЛИ.

— Что входит в работу наших сотрудников, в чем они помогают одиночкам?

— Принести продукты из магазина, приготовить еду, заплатить за квартиру, электричество, получить лекарства в аптеке, написать письмо за того, кто плохо видит. Многие неуверенно чувствуют себя на улице, особенно зимой, в холода, а ведь так хочется иногда хоть ненадолго выбраться из четырех своих стен.

Должностная инструкция для сотрудников социальной помощи предусматривает, но в ней невозможно затронуть все обязанности. Иной раз бывает достаточно позвонить по телефону, спра-

виться о здоровье, настроении. Помощник становится медуном в общении с внешним миром, становится близким человеком, которого ждут. Работа, требующая, конечно, такта, терпимости, ровного характера.

— Много ли подопечных у одного сотрудника? И каков у него заработок?

— Работники нашей службы патронуют, как правило, десять одиноких людей на своем участке. Зарплата — 90 рублей в месяц. Но, так пришел к нам, обычно остаются. В основном это совместители, пенсионеры, студенты, домохозяйки.

Нагрузка небольшая. Особенно много времени отнимают магазины, зато мы и выдаем сотрудникам удостоверение, по которым они могут делать покупки вне очереди. Сейчас стараемся ре-

шить вопрос с транспортом: дебились, чтобы выделяли таксы бы по одной автомашине на каждые два отделения. Это намного облегчит работу: можно будет собирать все дневные заказы и быстро развезти по домам.

— А в других городах создаются службы, подобные вашей?

— Столица не была первой в этом важном деле. Пример подали Ессиния, хотя, казалось бы, проблема там стоит не так остро: во всей республике около трехсот тысяч пенсионеров — а сам раз меньше, чем в Москве. Два года назад в Таллине прошло совещание, на которое собрались работники социального обеспечения со всей страны. Опята еще не так давно, но было совершенно ясно, что служба помощи необходима.

с хитрой улыбкой, и я как бы вдруг увижу, что у него совсем седая голова, белая, как снег. Как этот последний мартовский снег — еще холодный, но уже согретый, согретый солнцем. Никогда врачи не скажут вам, отчего это-то седеет раньше, чем другой, — причины и в самом деле разные, глубоко личного плана...

Нет, не да и прилягую в чужие записи русские слова, которые не требуют перевода. Теперь вот тоже появилось несколько таких слов, вызывают повышенный интерес и сотни самых разных толкований. Что такое «гласность», «перестройка», спрашивают нас много, да и мы сами спрашиваем об этом у себя и друг у друга. Что это такое для каждого и всех вместе, как это начинается и к чему приведет?

Там, в маленьком театре-студии театр раскрылся сам по себе. Конечно, открытия этого театра — как и пяти других только в Москве, — маленькие штрихи вехи куда более крупного, масштабного, сложного, однако, истинная точка всего процесса обновления лежит в единой плоскости. Как в той же плоскости и другое — те самые многие годы, которые потратил Олег Табаков на то, чтобы получить право на крошечную сцену, на свой выбор темы и ее решение. «Современность совсем рядом, и студия ходит с тем же азартом юности развивать традиции, созвучные нашему времени, как тридцать лет назад это делали Олег Ефремов и его товарищи.

«Да, которым Олег Табакова авансировали сегодня, объясняется, пожалуй, самой важной чертой нашей действительности — верой в человека. Равно как и пониманием того, что без веры в таких людей перестройка будет буквоедство, больше, чем можно. В этой вере — чудо обновления, которое уже живет, действует, набирает силу, темп, размах. Повсюду. И на Чапыгина, дом 1а — тоже.

После спектакля пришел по всем помещениям театра. Пять месяцев назад это был полузаброшенный безлюдный клуб с унылыми стенами, обшарпанными толками, и душа человеческая

томила и меркла от одного пребывания здесь. Потом молодые актеры и молодые строители выгребали мусор и рушили гнилье, саривали трубы и белили стены. Художники театр выстроили эскизы интерьеров и после репетиций их обсуждали всем коллективом. Дом становился собственностью актерского братства не в том материальном значении, какое может стоять за этим словом, а в каком существует в человеке, если ему двадцать и жизнь выстраивается сообразно убеждениям.

На первый спектакль «подыграть» труппе на «взрослых» ролях пришли актеры из МХАТа, «Современники». Занятия студентов школы-студии при МХАТе, ведь Олег Табаков там режиссер.

Зрители долго и щедро хлопали исполнителю ролей. И разошлись быстро. Их было всего сто. На той неделе, с которой начинался театр, сновориски подавали одежду тоже актеры, только не занятые в спектакле. Олег Табаков поблагодарил их, что они пришли на премьеру, и сказал, что они сразу же уезжают на гастроли: «Надо зарабатывать на жизнь», — улыбнулся он.

Шел одиннадцатый час вечера. Мартовский вечер, мела по улице Чапыгина. Я представил себе, как они останутся одни, поговорят о сыгранном спектакле, а потом Табаков хлопнет в ладоши и скажет, как всегда: «Начали...»

Да, ровно в 11 вечера у них — очередная репетиция.

Алексей АДЖУБЕВ.

«НАС ЗАЖИГАЛО ВРЕМЯ...»

20 тысяч рублей передал в фонд помощи пострадавшим при аварии Чернобыльской АЭС профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии Федор Сергеевич Крохалева.

КТО ЖЕ это человек, отдавший на склоне лет деньги, давшиеся «тяжелым трудом»? 17 лет было крестьянскому парнишке, секретарю первой комсомольской ячейки в уральском селе Норме Беляевой, когда болезнь поразила его глаза. Но лишившись зрения, Федор Крохалева не потерял веру в себя.

— Нас зажигло время, — говорит Федор Сергеевич. — Та необыкновенная, революционная обстановка. Ведь шла война против реакции и интервенции...

Оказавшись по ходатайству ЦК комсомольца в доме инвалидов, он окончил вечерний воскресный университет. Для него слова «учеба» — свет обрели иной, чем для других, буквальный смысл.

В Академию коммунистического воспитания слепого абитуриента не приняли. «Особых условий создать не можем» — так мотивировали отказ члены приемной комиссии. Крохалева поехал к Н. К. Урюпинской, руководившей в ту время Политпросветом Наркомпроса. Виза оказалась успешной, и Федора приняли в академию на общинных основаниях. Окончив ее досрочно, он поехал в Самарский политехнический институт.

Многие не верили, что слепой сможет учиться. Когда сегодня мы разговариваем с профессором Крохалевым, тысячи бывших студентов могут назвать его своим Учителем.

20 научных работ и докторская диссертация — таков итог многолетней работы.

Георгий БЕЛЫХ.

Евгений АНДРЕЕВ.